

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ
НОВОЙ КНИГИ:

Азиз НЕСИН

СКАЗОЧНИК,
САТИРИК,
БОРЕЦ

Мы, СОВЕТСКИЕ писатели, гости Синдиката писателей Турции, шли по крытому стамбульскому рынку. С нами был Азиз Несин. Он шел, вернее сказать, почти бежал вприпрыжку впереди нашей небольшой группы — махонького росточка человек, прославивший себя во всем мире такими смешными и такими человечными рассказами. Рыночные посетители, узнавая Несина, улыбались, показывая на него встречным, и мне, его старому другу, это было особенно приятно.

Необычна судьба этого оригинального и талантливого писателя. Он родился в 1915 году и, рано потеряв родителей, учился в начальной школе на «казенный счет», а потом поступил в военно-техническое училище и стал младшим офицером — сапером. В скором времени, оставив военную службу, занялся журналистикой. Он работал в газетах, главным образом сатирических и юмористических, вел полуголодную жизнь газетного пролетария. Но при этом он был и остался обладателем такого значи-

тельного и такого редкого для этой братии капитала, как общественная честность. Именно честность и, конечно, врожденное чувство юмора, способность иронически воспринимать явления окружающей жизни сделали Азиза Несина сатириком. Он сам сказал об этом со свойственной ему прямотой в предисловии к лучшей, на мой взгляд, своей книге, из переведенных на русский язык, «Если бы я был женщиной»:

«Следуя по пути народных сатириков, черпая силу в этом великом источнике, я вот уже двадцать лет тружусь в области сатиры. В своих рассказах и сказках я стараюсь показать общественную топографию моей родины.

Долг интеллигента — осветить настоящее и будущее народа, чтобы поднять уровень его жизни. Я стараюсь по мере сил исполнить этот долг, заставляя людей смеяться и размышлять. Таковы мои намерения, но насколько удалось их осуществить — судить не мне».

Работая в газетах, где публиковались

его фельетоны, юмористические рассказы и очаровательные сатирические сказки, Азиз Несин не раз, наверное, вспоминал свою военную специальность сапера. Известно, что сапер ошибается только раз и за эту свою единственную ошибку платит сполна. Сатирик, пишущий, подобно Несину, о правде жизни, «ошибается» (с точки зрения властей предрешающих) не один раз и каждый раз платит за эти «ошибки» — судебным преследованием, закрытием газеты, вынужденной безработицей.

Все это Азиз Несин познал на собственном опыте газетной подцензурности, и если не сломился, уцелел и не изменил своим принципам честности и неподкупности, то обязан этим своему выдающемуся таланту. Его заметили, стали издавать его книжки рассказов и фельетонов. Популярность его на родине заполыхала быстро и жарко и с такой же быстротой перебралась за рубежи Турции. В 1956 и 1957 годах он получил высшие призы на Международном конкурсе писателей-юмористов в Италии,

потом в Болгарии завоевал медаль «Золотой еж», там же, в Габрове, за лучшую книгу юмора ему была присуждена премия «Хитроумного Петра». На международном конкурсе юмористического рассказа в Москве, проводимом журналом «Крокодил», Азиз Несин также был удостоен высшей награды.

Он пишет рассказы, повести, сатирические романы, пьесы и становится литературной гордостью своей страны. Но Азиз Несин не только писатель, он и общественный деятель с таким же, как и его писательский талант, неукротимым общественным темпераментом. Он занимает видное место в ряду известных борцов за мир и прогресс, за лучшее будущее человечества. Никакие преследования, никакая клевета не могут помешать ему исполнять свой долг интеллигента так, как он его понимает.

Когда я узнаю о новых нападениях на Азиза Несина, где бы они ни делались и какую бы форму ни принимали, я вспоминаю одну знаменитую сказку: «Лодку его несло все дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щелкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам: «Держите, держите его!».

Как бы свирепо ни щелкали зубами крысы-преследователи, Азиз Несин делал, делал и будет делать свое благородное дело.

КАК ПОДЛИННЫЙ современный писатель, Азиз Несин не замыкается в каком-нибудь одном литературном жанре — он и романист, и драматург, и эссеист. Но, конечно, комиче-

ская новелла — это его «оружия любимейшего рода».

Короткий юмористический рассказ — только на первый и притом поверхностный (чтобы не сказать резко) взгляд легкий вид литературного творчества. У такого рассказа — свои тайны, своя магия. И, конечно, свои традиции.

Несин блестяще владеет сюжетом комической новеллы, он знает силу этого «удара в одну точку», как говорил М. Зощенко. Он не «растекается мыслью по древу» (грех многих наших современных юмористов), не топчется вокруг да около взятой в работу темы, как правило, остро социальной, — он стремительно и поражающе изобретательно «крутит» сюжетную нить.

Будучи — в известной степени — юмористом традиционным, Азиз Несин при этом — писатель национально-самобытный. Он турок, как говорится, с головы до пят. Жизнь родного народа питает его творчество, комические сюжеты его новелл не придуманы, не взяты из головы — именно поэтому они и смешат, и трогают любого читателя, где бы он ни жил.

Так же лаконично выразительны и сказки Азиза Несина. И в этом, одном из самых традиционных жанров сатирической миниатюры он национально самобытен. Я люблю его сказки «Падишах, выбранный ворогами», «Падишах, севший на кол», «Ишак, получивший медаль» да и многие другие. Но пытаться пересказывать сказки — все равно что убить их, тем более что читатели «Литературной газеты» сегодня позна-

комятся с творчеством Азиза Несина и в этом старом и вечно молодом жанре.

НА БЕРЕГУ прелестного Эгейского моря, недалеко от Стамбула, висит дом, принадлежащий Азизу Несину. Нет, это не загородная вилла, где он в уединении творит свои веселые рассказы и сказки. В доме живут турецкие дети — круглые сироты. Здесь их кормят, одевают, обувают и учат до совершеннолетия. Дом содержится на средства писателя. Он считает, что должен вернуть народу свой долг за полученное в свое время образование.

Мы — в тот наш приезд — были в этом доме, дети в нем еще не жили: не все отделочные работы были завершены. Сейчас дети уже живут и учатся. И когда Азиз Несин приезжал в Москву, его друзья приносили ему в подарок для его подопечных ребят наши русские игрушки. И Азиз Несин по-детски радовался этим подаркам.

Хочу закончить свои наброски к литературному портрету Азиза Несина конечными словами моего предисловия к его книге «Если бы я был женщиной», о которой уже упоминалось выше:

«Да хранит Вас... нет, не Аллах, с которым Вы обращаетесь в своих рассказах не слишком почитательно, — да хранит Вас дух нашего общего козлоного предка, который насистывал на своей дудочке смешные и дерзкие мелодии и, по свидетельству одних его современников, был богом, а по мнению других — человеком».

Леонид ЛЕНЧ

О ЗАЙЦЕ-
ПРЕСТОЛО-
НАСЛЕДНИКЕ

В ОДИН прекрасный день всякая разная живность, населявшая некоторую местность, собралась на конгресс, или на форум — уж не знаю, как тут поточнее выразиться, — словом, устроила свой звериный курултай. Все живые твари, каких там только не было, от муравья до бегемота и слона, от вши и блохи до ишака, сгрудились на большой поляне посреди своих лесных владений. В числе их искусные дипломаты из породы хамелеонов, многоопытные политики из стада обезьян, профсоюзные боссы, то бишь вороны, местная буржуазия — это всякие паразиты, вроде лесного клеща, рабочие — муравьи и пчелы, мыслители — индюки, интеллигенты — болтливые сороки, писатели — сверчки, чиновники в виде стада баранов... Но не будем затягивать этот перечень. Собралась вся известная нам фауна.

Ставились доклады и содоклады, произносились бесчисленные речи, голосовались резолюции. Делегаты рыкали, лаяли, мычали, квакали, мяукали, выли, ржали, хрюкали и кукарекали. Ну, разумеется, и кукались, бодались, брыкались. Короче говоря, делали все, что положено на любом конгрессе.

И вот один из делегатов обращается к лву:

— Великий наш эфенди, наш прославленный главнокомандующий! Ты наш пожизненно богопомазанный падишах, бесценный владыка. Мы все это знаем. Но есть нечто, чего мы еще не знаем и чем очень интересуемся: кто из нас самый сильный после тебя?

Царственно ленивый, как и все властелины, лев, приняв подобающую королевской особе позу, окинул величественным взглядом окружившие его зверье. Затем, сообразив голосу приличествующую всякому монарху тональность, изрек:

— После меня самый сильный зверь — заяц!

Что-о? Заяц? Этот трусишка, который устрекочет за самую дальнюю гору, стоит только борзой или гончей твкнуть?

Но что поделаешь! Это сказать соизволили сам падишах. Им виднее. Недаром говорится, что под буркой можно и не разглядеть джигита.

Конгресс закончил свою работу. И как только делегаты разбежались восвояси, зайчишка, уняв в поджилках дрожь, выбралась из ямки под кустом и говорит супругу:

— А ну, теперь показывай, на что ты способен. Сам лев сказал, что ты после него сильнейший зверь во всей округе. Что же ты от меня хочешь?

— Не будь трусливым дурачком! Выпусти когти, задай жару всем этим скотам, хватит нам их опасаться.

— Какие когти, у меня так себе коготочки...

Но, как это легко поймет всяк женатый, заяц не выдержал нудного — зр-зр-зр, дрр-дрр-дрр — брюзжания своей половины, боязливо приблизился к свернувшейся в сторонке лисе и осторожно коснулся ее лапы.

— Кто это?

— Я...

— Кто ты?

— Я? Я-то... Это самое, то бишь... Я заяц...

Лисица тотчас вскочила на ноги и ответила земной поклоном:

— Выражаю самое искреннее почтение уважаемому господину зайцу, второму после льва зверю и престолонаследнику. Не ожидавший такой почтительности заяц тем не менее быстро оправился и, взяв жену под руку, важно затопал по лесу.

— Ну вот, видел, после льва ты здесь самый главный. И я должна еще тебе об этом напоминать! Смотри-ка, вон там волк о чем-то задумался. Не упускай случая!

— Ой, что ты, с волком шутки плохи! Но как заяц ни отговаривался, жена настояла на своем. Подполз заяц к волку, начал щекотать ему лапу.

— Кто это? — даже не повернул головы волк.

— Я... Эт-то самое... Я заяц, — заикаясь, вымолвил заяц.

— Вай-вай! Добро пожаловать, ваше высочество, господин заяц!

Таким образом господин заяц постепенно привык к мысли, что он настоящий джигит, и в конце концов настолько уверовал в свое могущество, что, того и гляди, готов был лопнуть от расправившей его спеси.

— А ну-ка, муженек, проучи и этого тигра, что осмеливается здесь дрыгнуть без задних ног!

Господин заяц начал щекотать тигриную нос соломкой. Полосатый продолжал спокойно всхрапывать. Тогда заяц взял прутик покрепче и ткнул им тигра в ноздрю.

— Это еще кто таков?

— Я! Заяц! Самый сильный зверь, не считая льва!

Тигр рывком и одним взмахом лапы распластал беднягу зайца по земле, затем — ам! — проглотил, не разжевывая. Госпожа зайчишка в мгновение ока очутилась за самой дальней горой.

На том сказка кончается. А теперь ко всем нам вопрос: как могло случиться, что тигр покусился на зайца? Боюсь, что вы не сумеете на этот вопрос ответить. Дело, оказывается, в том, что тигр проспал всеобщий звериный курултай и не ведал, что лев назначил зайца самым сильным после себя зверем и своим преемником.

Перевел с турецкого
Л. СТАРОСТОВ
Рисунки В. СКРЫЛЕВА

ДЛЯ УДОБСТВА
ПОЛИЦЕЙСКИХ

ВСЕ ОТНЫНЕ я упорядочу свою суматошную жизнь, я выстрою в шеренгу свои бойкие, озорные книги! Жалко ведь полицейских! Приходят люди обыскивать, вываливают содержимое старых чемоданов, мешков, сундуков. Попро-буй найди что-нибудь среди этой рухляди! Теперь я систематизировал все свои книги, статьи и заметки. В полном порядке стоят на полках. Завел списки, картотеки, аннотации. Обыски у меня проходят каждую неделю. Теперь полицейские могут спокойно, как со своего стола, забрать у меня любую книгу, какая им приглянется, любую статью.

И расписание на неделю составил. В понедельник на допрос. Прошу стамбульского прокурора по делам печати отныне вызывать меня на допрос только в указанное время. Ничего не поделаешь, порядок требует.

Во вторник — в участок давать показания. Желających могу принимать у себя.

В среду — обыск на дому. Убедительно прошу полицейских встречаться со мной только в отведенное для этого расписанием время.

Четверг и пятница — судебное разбирательство. Остальные дни недели — выпуск газеты. Надо продолжать, нельзя же такую ораву людей: полицейских, следователей, прокуроров, судей — оставлять без работы.

Размышлять о смерти у меня нет большой охоты, но думаю, что, когда умру, обо мне скажут так: «Способный был человек, пером владел. Не будь всех этих вызовов, обысков, допросов и разбирательств, из него бы даже писатель получился...»

ДЕШЕВЫЙ
РАБОЧИЙ

РАННЕЕ утро. Хозяин крупной фабрики сидит у себя в кабинете и пьет утренний кофе. Вдруг дверь с треском открывается. В комнату влетает какой-то странный, растерзанного вида человек.

Комкая в руках шапку, как это делают обычно безработные, он обращается к хозяину фабрики:

— Бейзэфенди! Я ищу работу!

Не поднимая головы, патрон искоса поглядывает на него:

— Что умеешь делать?

— Я учился в ремесленном училище, слесарь первого разряда.

— Нам нужен токарь.

— Я пять лет работал в Германии токарем на заводе. Имею характеристики.

Патрон несколько оживляется:

— Но больше всего нам нужен модельщик.

— Я модельщик первого класса.

Патрон сладко облизывается:

— Если бы ты был еще и столяром!

— Целых четыре года я работал мастером по столярному делу.

«Находка для завода! — радуется пат-

рон. — Сейчас заломит большие деньги, не иначе».

— Хорошо, сынок, но мы не нуждаемся в рабочей силе.

— Я буду делать все, что прикажете. — Так и быть, я тебя возьму, но имей в виду: я сказал — отрезал. Лишнего платить не буду. Ты и так у меня лишний.

— Благодарствую, бейзэфенди, я лишнего не прошу. Сколько заплатите, на том и спасибо.

— Мастерам первого разряда мы платим по пять лир в день. А тебе как лишнему заплатим... две лиры.

— Что поделаешь, хозяин, я согласен!

Окрыленный своей победой, патрон делает грозное лицо:

— Да, вот еще что: рабочий день у нас не нормирован. Чтб потом не канючить! А то много пожалеешь, а он тебе за это жалобы строчит. Работать в день минимум одиннадцать часов!

— Да хоть все четырнадцать, хозяин! Руки, что ли, отсохнут?

Патрон не верит собственным ушам.

— Слушай и не говори, что не слышал: рабочее помещение будет тесное и темное.

— Уж какое достанется.

— Да, чуть не забыл. Денег вперед не получишь. Поработаешь с месяц, наберешься опыта, и если мы будем довольны, так и быть, начнем выплачивать по две лиры в день.

— Как пожелае.

— Да, еще одно. Двадцать процентов из заработка будешь платить за амортизацию техники и отходы сырья.

— А как же, хозяин, обязательно!

— И еще...

— Слушаюсь!

— Я доверяю тебе, чужому человеку, отличные станки.

— Доверься, эфенди.

— За это требуется залог. Внесешь тысячу лир.

— Сделаю, хозяин, клянусь! От отца мне досталась хибарка. Так я ее заложу и внесу.

— Ну, тогда топай в цех и принимайся за работу.

Через минуту после ухода посетителя в кабинет вламываются два запыхавшихся полицейских:

— Бейзэфенди, сюда заходил один умышленный. Он убежал из сумасшедшего дома. Мы его разыскиваем.

Перевела с турецкого
Людмила ДУДИНА